

Наше сердце

Автор:

Ги де Мопассан

Наше сердце

Ги де Мопассан

«Наше сердце» – блистательный, яркий роман, в котором реализм Мопассана доходит почти до натурализма, а увлекательный, броский сюжет представляют, в сущности, лишь изысканную рамку для глубокого проникновения в человеческую психологию. Этот роман мог бы стать трагедией – если бы не истинно галльская «невыносимая легкость бытия», которой он дышит!..

Ги де Мопассан

Наше сердце

Часть первая

I

Однажды Масиваль, музыкант, прославленный автор «Ревекки»[1 - ...прославленный автор «Ревекки»...- Возможно, вымышленное название было навеяно оперой Фроменталья Леви «Еврейка» (1835). С дочерью композитора госпожой Штраус, вдовой Жоржа Бизе (1838—1875), Мопассана связывали дружеские отношения. Не случайно Эдмон де Гонкур (1822—1896) отметил в

своем дневнике (5 июля 1890 г.), что госпожа Штраус, весьма вероятно, послужила Мопассану прототипом Мишель де Бюрн.], тот, кого уже лет пятнадцать называли «знаменитым молодым маэстро», сказал своему другу Андре Мариолу:

– Почему ты не попросишь, чтобы тебя представили госпоже де Бюрн? Уверяю тебя, это одна из интереснейших женщин современного Парижа.

– Потому, что я вовсе не создан для этого общества.

– Дорогой мой, ты не прав. Это очень своеобразный, очень современный, живой артистический салон. Там много занимаются музыкой, там ведут беседу не хуже, чем в салонах лучших сплетниц прошлого столетия. Тебя в этом доме оценили бы, – прежде всего потому, что ты превосходный скрипач, во-вторых, потому, что там о тебе было сказано много хорошего, наконец, потому, что ты слынешь человеком не банальным и не очень общительным.

Мариоль был польщен, но, все еще противясь и к тому же предполагая, что это настойчивое приглашение делается не без ведома молодой женщины, проронил: «Ну, меня это мало интересует»; и в этом нарочитом пренебрежении уже звучала нотка согласия.

Масиваль продолжал:

– Хочешь, я представлю тебя на днях? Да ты, впрочем, уже знаешь ее по рассказам друзей; ведь мы довольно часто говорим о ней. Ей двадцать восемь лет, это очень красивая женщина, большая умница; она не хочет вторично выходить замуж, потому что в первом браке была крайне несчастлива. Она сделала свой дом местом встреч приятных людей. Там не слишком много клубных завсегдатаев и светских пошляков. Ровно столько, сколько требуется для придания блеска. Она будет в восторге, если я тебя приведу.

Побежденный Мариоль ответил:

– Пусть будет по-твоему. Как-нибудь на днях.

В начале следующей недели композитор зашел к нему и спросил:

– Ты завтра свободен?

– Да... пожалуй.

– Отлично... Пойдем обедать к госпоже де Бюрн. Она мне поручила пригласить тебя. Впрочем, вот и ее записка.

Подумав для приличия, Мариоль ответил:

– Пойдем.

Андре Мариолю было лет тридцать семь, он был холост, ничем не занимался, был достаточно богат, чтобы позволить себе жить, как ему вздумается, путешествовать и даже собрать прекрасную коллекцию новой живописи и старинных безделушек[2 - ...собрать прекрасную коллекцию новой живописи и старинных безделушек... – Мопассан сам занимался коллекционированием и наделил этой страстью многих своих персонажей. Из его окружения самым знаменитым коллекционером был писатель Э. де Гонкур.]; он слыл человеком остроумным, немного сумасбродным, немного нелюдимым, чуть прихотливым, чуть высокомерным, разыгрывающим отшельника скорее из гордости, чем от застенчивости. Богато одаренный, тонкого ума, но ленивый, способный все понять и, быть может, многое сделать, он довольствовался тем, что наслаждался жизнью в качестве зрителя или, вернее, знатока. Будь он беден, он, несомненно, стал бы выдающимся человеком и знаменитостью, но, родившись богатым, он вечно упрекал себя за то, что не сумел ничего добиться. Правда, он предпринимал ряд попыток, но слишком нерешительных, в области искусств: одну – на литературном поприще, издав путевые заметки, интересные, живые и изысканные по стилю, другую – в области музыки, увлекаясь игрой на скрипке, и тут он приобрел, даже среди профессиональных исполнителей, славу одаренного дилетанта; и, наконец, третью попытку – в области скульптуры, того искусства, где прирожденная ловкость и дар смело намечать обманчивые контуры заменяют в глазах невежд мастерство и выучку. Его глиняная статуэтка «Тунисский массажист» принесла ему даже некоторый успех на прошлогодней выставке.

Говорили, что он не только прекрасный наездник, но и выдающийся фехтовальщик, хотя он никогда не выступал публично, вероятно, из-за той же робости, которая заставляла его избегать светских кругов, где можно было

опасаться серьезного соперничества.

Но друзья единодушно хвалили и ценили его, быть может, потому, что он не затмевал их. Во всяком случае, о нем говорили как о человеке надежном, преданном, отзывчивом и приятном в обращении.

Роста выше среднего, с черной бородкой, коротко подстриженной на щеках и образующей на подбородке острый клин, со слегка седеющими, но красиво вьющимися волосами, он отличался открытым взглядом ясных, живых карих глаз, недоверчивых и чуть суровых.

Среди его друзей преобладали деятели искусства – романист Гастон де Ламарт, музыкант Масиваль, художники Жобен, Риволе, де Монель, которые, казалось, высоко ценили его дружбу, его ум, остроумие и даже его суждения, хотя в глубине души они с высокомерием людей, достигших успеха, считали его неудачником – пусть очень милым и очень умным.

Его надменная сдержанность как бы говорила: «Я ничто, потому что не захотел быть чем-либо». И он вращался в узком кругу, пренебрегая великосветским флиртом и модными салонами, где другие блистали бы ярче и оттеснили бы его в толпу светских статистов. Он посещал только такие дома, где могли правильно оценить его неоспоримые, но скрытые качества; и он так быстро согласился быть представленным г-же Мишель де Бюрн лишь потому, что лучшие его друзья, те самые, которые всюду рассказывали о его скрытых достоинствах, были постоянными гостями этой молодой женщины.

Она жила в первом этаже прекрасного дома на улице генерала Фуа, позади церкви Св. Августина[З - ...позади церкви Св. Августина. – Церковь была построена в 1868 г. неподалеку от бульвара Мальзерба.]. Две комнаты – столовая и та гостиная, где принимали всех, – выходили на улицу, две другие – в прелестный сад, находившийся в распоряжении домовладельца. С этой стороны помещалась вторая гостиная, очень просторная, длинная, но не широкая, с тремя окнами, откуда были видны деревья, листья которых касались ставен; она была обставлена исключительно простыми и редкими предметами безупречного, строгого вкуса и огромной ценности. Стулья, столы, прелестные шкафчики и этажерки, картины, веера и фарфоровые статуэтки в горке, вазы, фигурки, громадные стенные часы, обрамленные панно, – все убранство дома молодой женщины влекло и приковывало взоры своим стилем, стариной или изяществом. Чтобы создать себе такую обстановку, которой она гордилась почти так же, как

самой собою, она воспользовалась дружбой, любезностью и чутьем всех знакомых ей художников. Они с охотничьим азартом выискивали для нее, богатой и щедрой, вещи, отмеченные тем неповторимым отпечатком, которого не улавливает вульгарный любитель, и благодаря этим людям г-жа де Бюрн создала знаменитый, малодоступный салон, где, как ей представлялось, гости чувствовали себя лучше и куда шли охотнее, нежели в заурядные салоны других светских женщин.

Одна из излюбленных ее теорий заключалась в том, что оттенок обоев, занавесей, уютность кресел, приятность форм, изящество целого нежат, чаруют и ласкают взоры не меньше, чем обворожительные улыбки хозяев. Привлекательные или отталкивающие дома, говорила она, богатые или бедные, пленяют, удерживают или отвращают в такой же мере, как и населяющие их существа. Они будят или усыпляют сердце, воспаляют или леденят ум, вызывают потребность говорить или молчать, печалят или радуют. Словом, они внушают гостю безотчетное желание остаться или уйти.

В этой довольно сумрачной гостиной, между двумя жардиньерками с цветами, на почетном месте стоял величественный рояль. Дальше высокая двустворчатая дверь вела в спальню, за которой следовала туалетная, тоже очень элегантная и просторная, обитая персидской материей, как летняя гостиная; здесь г-жа де Бюрн обычно проводила время, когда бывала одна.

Выйдя замуж за светского негодяя, за одного из тех семейных тиранов, которым все должны подчиняться и уступать, она вначале была очень несчастна. Целых пять лет ей приходилось терпеть жестокость, требовательность, ревность, даже грубость этого отвратительного властелина; терроризированная, ошеломленная неожиданностью, она безропотно покорила игу открывшейся перед нею супружеской жизни; она была подавлена деспотической, гнетущей волей грубого мужчины, жертвой которого оказалась.

Однажды вечером, возвращаясь домой, муж ее умер от аневризмы, и когда принесли его тело, завернутое в одеяло, она долго вглядывалась в него, не веря в реальность освобождения, чувствуя глубокую радость и боясь обнаружить ее.

От природы независимая, веселая, даже экспансивная, обворожительная и очень восприимчивая, с проблесками вольнодумства, которые каким-то образом появляются у иных парижских девочек, словно они с детских лет вдыхали пряный воздух бульваров, куда по вечерам через распахнутые двери театров

врывается тлетворная атмосфера одобренных или освищенных пьес, она все же сохранила от своего пятилетнего рабства застенчивость, сочетавшуюся с прежней смелостью, постоянную боязнь, как бы не сделать, не сказать лишнего, жгучую жажду независимости и твердую решимость уже никогда больше не рисковать своей свободой.

Ее муж, человек светский, заставлял ее устраивать приемы, на которых она играла роль бессловесной, изящной, учтивой и нарядной рабыни. Среди друзей этого деспота было много деятелей искусства, и она принимала их с любопытством, слушала с удовольствием, но никогда не решалась показать им, как хорошо она их понимает и как высоко ценит.

Когда кончился срок траура, она как-то пригласила нескольких из них к обеду. Двое уклонились, а трое приняли приглашение и с удивлением нашли в ней обаятельную молодую женщину с открытой душой, которая тотчас же безо всякого жеманства мило призналась им в том, какое большое удовольствие доставляли ей прежние их посещения.

Так постепенно она выбрала среди старых знакомых, мало знавших или мало ценивших ее, несколько человек себе по вкусу и, в качестве вдовы, в качестве свободной женщины, желающей, однако, сохранить безупречную репутацию, стала принимать наиболее изысканных мужчин, которых ей удалось собрать вокруг себя, присоединив к ним лишь двух-трех женщин.

Первые приглашенные стали близкими друзьями, образовали ядро, за ними последовали другие, и дому был придан уклад небольшого монаршего двора, куда каждый приближенный приносил либо талант, либо громкое имя; несколько тщательно отобранных титулов примешивались здесь к светлым умам разночинной интеллигенции.

Ее отец, г-н де Прадон, занимавший верхний этаж, служил как бы блюстителем нравственности и защитником ее доброго имени. Старый волокита, чрезвычайно элегантный, остроумный, он уделял ей много внимания и обращался с ней скорее как с дамой сердца, чем как с дочерью; он возглавлял обеды, которые она давала по четвергам и которые вскоре приобрели в Париже славу, став предметом толков и зависти. Просьбы быть представленным и приглашенным все учащались; их обсуждали в кружке приближенных и часто отклоняли после своего рода голосования. Несколько острот, сказанных в этом салоне, облетели весь город. Здесь дебютировали актеры, художники и молодые поэты, и это

было для их славы как бы боевым крещением. Лохматые гении, приведенные Гастоном де Ламартом[4 - ...Гастон де Ламарт... в своем любопытном романе «Одна из них». – В образе Ламарта угадываются черты самого Мопассана и Поля Бурже (1852—1935), который, издав в 1883 г. «Опыт современной психологии», заявил о себе как о тонком и проницательном исследователе человеческих, и прежде всего женских, страстей.], сменяли у рояля венгерских скрипачей, представленных Масивалем, а экзотические танцовщицы изумляли гостей своей волнующей пластикой, прежде чем появиться перед публикой Эдема или Фоли-Бержер.

Госпожа де Бюрн, сохранившая тяжелое воспоминание о своей светской жизни под гнетом мужа и ревниво оберегаемая друзьями, благоразумно воздерживалась особенно расширять круг знакомых. Довольная и в то же время чувствительная к тому, что могли бы сказать и подумать о ней, она отдавалась своим немного богемным наклонностям, сохраняя вместе с тем буржуазную осторожность. Она дорожила своей репутацией, остерегалась безрассудств, была корректна в своих прихотях, умеренна в дерзаниях и заботилась о том, чтобы ее не могли заподозрить ни в одной связи, ни в одном флирте, ни в одной интриге.

Все пытались обольстить ее, но никому, как говорили, это не удалось. Они исповедовались друг другу и признавались в этом с удивлением, – мужчины с трудом допускают – и, пожалуй, не без оснований – такую добродетель в независимой женщине. Вокруг нее создавалась легенда. Говорили, будто ее муж проявил в начале их совместной жизни столь возмутительную грубость и предъявлял такие невероятные требования, что она навсегда излечилась от любви. И ее друзья часто обсуждали это между собой. Они неизбежно приходили к выводу, что девушка, воспитанная в мечтах о любовных ласках и в ожидании волнующей тайны, которая представляется ей как что-то мило-постыдное, что-то нескромное, но утонченное, должна быть потрясена, когда сущность брака раскрывается перед нею грубым самцом.

Светский философ Жорж де Мальтри добавлял с легкой усмешкой: «Ее час еще пробьет. Он никогда не минует таких женщин. И чем позднее, тем громче он прозвучит. Наша приятельница, с ее артистическими вкусами, влюбится на склоне лет в какого-нибудь певца или пианиста».

Гастон де Ламарт придерживался другого мнения. Как романист, психолог и наблюдатель, изучающий светских людей, с которых он, кстати сказать, писал

иронические, но схожие портреты, он считал, что понимает женщин и разбирается в их душе с непогрешимой и непревзойденной проникательностью. Он причислял г-жу де Бюрн к разряду тех нынешних сумасбродок, образ которых он дал в своем любопытном романе «Одна из них». Он первый описал эту новую породу женщин, породу рассудительных истеричек, которых мучают нервы, беспрестанно томят противоречивые влечения, даже не успевающие стать желаниями, женщин, во всем разочарованных, хотя они еще ничего не испытали по вине обстоятельств, по вине эпохи, условий момента, современных романов; эти женщины, лишённые огня, неспособные на увлечение, сочетают в себе прихоти избалованных детей с черствостью старых скептиков.

Как и другие, он потерпел неудачу в своих попытках увлечь ее.

А в г-жу де Бюрн один за другим влюблялись все ее приближенные, и после кризиса они долго еще бывали растроганы и взволнованы. Мало-помалу они образовали как бы маленькую общину верующих. Эта женщина была для них мадонной, и они без конца говорили о ней, подвластные ее обаянию даже издали. Они чтили ее, восхваляли, критиковали или порицали, смотря по настроению, в зависимости от обид, неудовольствия или зависти, когда она выказывала предпочтение кому-нибудь из них. Они постоянно ревновали ее друг к другу, немного друг за другом шпионили, но всегда держались вокруг нее сплоченными рядами, чтобы не подпустить какого-нибудь опасного соперника. Самые преданные были: Масиваль, Гастон де Ламарт, толстяк Френель, молодой философ, весьма модный светский человек Жорж де Мальтри, известный своими парадоксами, красноречием и разносторонней образованностью, пополняемой последними научными достижениями, непонятный даже для самых горячих его поклонниц; еще он славился своими костюмами, такими же изысканными, как и его теории. К этим выдающимся людям хозяйка дома прибавила несколько светских друзей, слывших остроумными: графа де Марантена, барона де Гравиля и еще двух-трех человек.

Самыми привилегированными среди избранных были Масиваль и Ламарт, обладавшие, казалось, даром всегда развлекать молодую женщину, которую забавляли их артистическая непринужденность, их болтовня и умение подтрунивать над всеми и даже над нею самою, когда она позволяла. Но ее желание – то ли естественное, то ли нарочитое – не оказывать ни одному из поклонников длительного и явного предпочтения, шаловливый, непринужденный тон ее кокетства и подлинная справедливость в распределении знаков внимания поддерживали между ними дружбу,

приправленную враждой, и игру ума, делавшую их обаятельными.

Иной раз кто-нибудь из них, чтобы досадить другим, представлял своего знакомого. Но так как этот знакомый обычно не бывал человеком особенно выдающимся или особенно интересным, остальные, объединившись против него, вскоре его выживали.

И вот Масиваль ввел в дом своего товарища, Андре Мариоля.

Лакей в черном фраке доложил:

– Господин Масиваль! Господин Мариоль!

Под огромным пышным облаком розового шелка – непомерно большим абажуром, который отбрасывал на старинный квадратный мраморный столик ослепительный свет лампы-маяка, укрепленной на высокой колонне из золоченой бронзы, над альбомом, только что принесенным Ламартом, склонились четыре головы: женская и три мужских. Писатель перевертывал страницы и давал пояснения.

Женщина обернулась к входившим, и Мариоль увидел ясное лицо слегка рыжеватой блондинки, с непокорными завитками на висках, пылавшими, как горящий хворост. Тонкий вздернутый нос, живая улыбка, рот с четко очерченными губами, глубокие ямочки на щеках, чуть выдающийся раздвоенный подбородок придавали этому лицу насмешливое выражение, в то время как глаза, по странному контрасту, обволакивали его грустью. Они были голубые, блекло-голубые, словно синева их выгорела, стерлась, слиняла, а посередине сверкали черные, круглые, расширенные зрачки. Этот блестящий, странный взгляд как бы свидетельствовал о грезах, навеванных морфием[5 - ...странный взгляд... свидетельствовал о грезах, навеванных морфием... – Психическая болезнь, от которой страдал Мопассан, заставила его испытать на себе действие наркотиков. Вместе с тем наркотики, и в особенности морфия, становятся в 1880—1890-е гг. изысканным светским развлечением, «идеальным абсентом». Белладонна, кроме того, применялась в косметических целях благодаря своему свойству расширять зрачки и придавать взгляду особую глубину.], если не был вызван просто-напросто возбуждающим действием белладонны.

Госпожа де Бюрн, стоя, протягивала руку, здоровалась, благодарила.

– Я уже давно прошу моих друзей привести вас, – говорила она Мариолю, – но мне всегда приходится по нескольку раз повторять такие просьбы, чтобы их исполнили.

Это была высокая, изящная, слегка медлительная в движениях женщина; скромно декольтированное платье чуть обнажало прекрасные плечи, плечи рыжеватой блондинки, бесподобные при вечернем освещении. Между тем волосы ее были не красноватыми, а того непередаваемого оттенка, какой бывает у опавших листьев, опаленных осенью.

Потом она представила г-на Мариоля своему отцу, – тот поклонился и подал ему руку.

Мужчины, разбившись на три группы, непринужденно беседовали, как у себя дома, в обычном своем кругу, которому присутствие женщины придавало оттенок галантности.

Толстяк Френель беседовал с графом де Марантенем. Постоянное присутствие Френеля в этом доме и предпочтение, которое оказывала ему г-жа де Бюрн, часто возмущало и сердило ее друзей. Еще молодой, но толстый, как сосиска, надутый, сопящий, почти безбородый, с головой, осененной зыбким облачком светлых и непокорных волос, заурядный, скучный, он в глазах молодой женщины обладал, несомненно, достоинством, неприятным для остальных, но существенным для нее, а именно: он любил ее без памяти, сильнее и преданнее всех. Его окрестили «тюленем». Он был женат, но никогда не заикался о том, чтобы ввести в дом г-жи де Бюрн свою жену, которая, по слухам, даже издали очень ревновала его. Особенно Ламарт и Масиваль возмущались явной симпатией их приятельницы к этой сопелке, но когда они не выдерживали и упрекали ее в дурном вкусе, эгоистичном и заурядном, она отвечала улыбаясь:

– Я люблю его, как славного, верного песика.

Жорж де Мальтри рассказывал Гастону де Ламарту о последнем открытии микробиологов.

Де Мальтри сопровождал свои рассуждения бесконечными тонкими оговорками, но романист Ламарт слушал его с тем воодушевлением, с той доверчивостью, с

какою литераторы не задумываясь воспринимают все, что кажется им самобытным и новым.

Великосветский философ, со светлыми, как лен, волосами, высокий и стройный, был затянут во фрак, тесно облегающий его талию. Тонкое лицо его, выступавшее из белого воротничка, было бледно, а светлые плоские волосы казались наклеенными.

Что касается Ламарта, Гастона де Ламарта, которому частица «де» внушала некоторые дворянские и великосветские притязания, то это был прежде всего литератор, неумолимый и беспощадный литератор. Вооруженный зорким взглядом, который схватывал образы, положения, жесты с быстротой и точностью фотографического аппарата, и наделенный пронизательностью и врожденным писательским чутьем, похожим на нюх охотничьей собаки, он с утра до ночи накапливал профессиональные наблюдения. Благодаря двум очень простым способностям – четкому восприятию внешних форм и инстинктивному постижению внутренней сущности – он придавал своим книгам оттенки, тон, видимость и остроту подлинной жизни, причем они отнюдь не обнаруживали тенденций, обычных для писателей-психологов, а казались кусками человеческой жизни, выхваченными из действительности.

Выход в свет романов Ламарта вызывал в обществе волнения, пересуды, злорадство и негодование, так как всегда казалось, что в них узнаешь известных людей, едва прикрытых прозрачной маской, а его появление в гостиных неизменно влекло за собою тревогу. К тому же он опубликовал том своих воспоминаний, где набросал портреты некоторых знакомых мужчин и женщин, хотя и без явного недоброжелательства, но с такою точностью и беспощадностью, что многие были задеты. Кто-то прозвал его «гроза друзей».

Об этом человеке с загадочной душой и закрытым сердцем говорили, что он страстно любил когда-то женщину, причинившую ему много страданий, и что теперь он мстит другим.

Ламарт с Масивалем прекрасно понимали друг друга, хотя музыкант был совсем другим человеком – более открытым, более увлекающимся, быть может, менее глубоким, зато более экспансивным. После двух крупных успехов – оперы, сначала исполненной в Брюсселе, а потом перенесенной в Париж, где ее восторженно встретили в Комической опере, и другого произведения, принятого и тотчас же поставленного в Большом оперном театре, где его высоко оценили

как предвестие прекрасного таланта, он переживал своего рода упадок, который, как преждевременный паралич, постигает большинство современных художников. Они не стареют в лучах славы и успеха, как их отцы, а кажутся пораженными бессилием уже в самом расцвете сил. Ламарт говорил: «Теперь во Франции встречаются лишь неудавшиеся гении».

В то время Масиваль был, видимо, очень увлечен г-жой де Бюрн, и кружок поговаривал об этом; вот почему, когда он с благоговением целовал ее руку, все взоры обратились на него.

Он спросил:

– Мы опоздали?

Она ответила:

– Нет, я еще поджидаю барона де Гравиля и маркизу де Братиан.

– Ах, маркизу? Чудесно! Значит, мы займемся музыкой?

– Надеюсь.

Запоздавшие приехали. Маркиза – женщина, пожалуй, слишком полная для своего роста, итальянка по происхождению, живая, черноглазая, с черными бровями и ресницами, с черными волосами, столь густыми и обильными, что они спускались на лоб и затеняли глаза; она славилась среди светских женщин своим замечательным голосом.

Барон, человек с безупречными манерами, со впалой грудью и большой головой, казался вполне завершенным лишь с виолончелью в руках. Страстный меломан, он посещал только те дома, где ценили музыку.

Доложили, что кушать подано, и г-жа де Бюрн, взяв под руку Андре Мариоля, пропустила вперед гостей. Когда она осталась с Мариолем в гостиной, она, прежде чем последовать за остальными, искоса взглянула на него, и ему показалось, что в этих светлых глазах с черными зрачками он улавливает какую-то более сложную мысль, более острый интерес, чем те, которыми обычно

утруждают себя красивые женщины, принимая гостя за своим столом в первый раз.

Обед прошел довольно уныло и однообразно. Ламарт нервничал и держался враждебно – не открыто враждебно, ибо всегда старался быть корректным, а он заражал всех тем почти неуловимым дурным настроением, которое леденит непринужденную беседу. Масиваль, мрачный и озабоченный, мало ел и исподлобья посматривал на хозяйку дома, мысли которой, казалось, витали где-то далеко. Она была невнимательна, отвечала с улыбкой, но тут же умолкала и, видимо, думала о чем-то, хотя и не особенно увлекательном, но все же более интересном для нее в этот вечер, чем ее гости. Она старалась быть как можно предупредительнее к маркизе и Мариолу, но делала это по обязанности, по привычке, была явно рассеяна и занята чем-то другим. Френель и г-н де Мальтри спорили о современной поэзии. Френель придерживался ходячих великосветских мнений, а г-н де Мальтри разъяснял суждения самых изощренных версификаторов, непостижимые для обывателей.

За обедом Мариоль еще несколько раз встречал пыливый взгляд молодой женщины, но уже более рассеянный, менее упорный, менее сосредоточенный. Только маркиза де Братиан, граф де Марантен и барон де Гравиль болтали без умолку и успели рассказать друг другу множество новостей.

Масиваль становился все сумрачнее; он подсел к роялю и взял несколько аккордов. Г-жа де Бюрн словно ожила и наскоро устроила небольшой концерт из своих любимых произведений.

Маркиза была в голосе и, воодушевленная присутствием Масиваля, пела с подлинным мастерством. Композитор аккомпанировал ей с меланхолическим видом, который он всегда принимал играя. Его длинные волосы ниспадали на воротник фрака, смешиваясь с курчавой, широкой, блестящей и шелковистой бородой. Многие женщины были в него влюблены и, по слухам, преследовали его и теперь. Г-жа де Бюрн, сидевшая около рояля, всецело погрузилась в музыку; казалось, она и любовалась музыкантом и не видела его, так что Мариоль почувствовал легкую ревность. Он не ревновал именно ее и именно к нему, но, видя этот женский взгляд, зачарованный знаменитостью, он почувствовал себя уязвленным в своем мужском самолюбии, понимая, что женщины оценивают нас в зависимости от завоеванной нами славы. Не раз уже он втайне страдал, сталкиваясь со знаменитостями в присутствии женщин, благосклонность которых служит для многих высшею наградою за достигнутый

успех.

Часов около десяти одна за другой приехали баронесса де Фремин и две еврейки из высших банковских сфер. Разговор шел об одной предстоящей свадьбе и о намечающемся разводе.[6 - ...о намечающемся разводе. – Развод был вновь разрешен во Франции лишь в 1884 г.]

Мариоль смотрел на г-жу де Бюрн, которая сидела теперь у колонки, поддерживавшей огромную лампу.

Ее тонкий, слегка вздернутый нос, милые ямочки на щеках и подбородке придавали ей детски-шаловливый вид, несмотря на то что ей было уже под тридцать, а ее глаза, напоминавшие поблекший цветок, были полны какой-то волнующей тайны. Кожа ее в ярком вечернем освещении принимала оттенки светлого бархата, в то время как волосы, когда она поворачивала голову, загорались рыжеватыми отблесками.

Почувствовав мужской взгляд, устремленный на нее с другого конца гостиной, она встала и направилась к Мариолю, улыбаясь, словно в ответ на его призыв.

– Вы, должно быть, соскучились? – спросила она. – В непривычном обществе всегда немного скучно.

Он запротестовал.

Она пододвинула стул и села около него.

И они сразу же разговорились. Это произошло внезапно – так вспыхивает спичка, поднесенная к огню. Казалось, они уже давно знали взгляды и чувства друг друга, а одинаковая природа, воспитание, одинаковые склонности, вкусы предрасположили их к взаимному пониманию и предназначили им встретиться.

Быть может, тут сказалась и ловкость молодой женщины, но радость при встрече с человеком, который слушает, угадывает твои мысли, отвечает и, возражая, дает толчок к дальнейшему их развитию, воодушевила Мариоля. Польщенный к тому же оказанным ему приемом, покоренный ее влекущей грацией, чарами, которыми она умела околдовывать мужчин, он старался

обнаружить перед ней особенности своего ума, неяркого, но самобытного и тонкого, привлекавшего к нему тех немногочисленных, но истинных друзей, которые его хорошо знали.

Вдруг она сказала:

– Право, с вами очень приятно беседовать. Мне, впрочем, так и говорили.

Он почувствовал, что краснеет, и дерзнул ответить:

– А меня предупреждали, что вы...

– Договаривайте: кокетка? Да, я всегда кокетничаю с теми, кто мне нравится. Это всем известно, и я этого отнюдь не скрываю, но вы убедитесь, что мое кокетство совершенно бесстрастно, и это дает мне возможность сохранять... или возвращать себе друзей, никогда не теряя их окончательно, и удерживать их всех около себя.

Ее затаенная мысль, казалось, говорила: «Будьте спокойны и не слишком самоуверенны; не обольщайтесь – вам ведь достанется не больше, чем другим».

Он ответил:

– Это называется предупреждать своих гостей о всех опасностях, которым они здесь подвергаются.

Она открыла ему путь для разговора о ней. Он этим воспользовался. Он начал с комплиментов и убедился, что она их любит; потом подстрекнул ее женское любопытство, рассказав о том, что говорят о ней в различных кругах общества, где он бывает. Она слегка встревожилась и не могла скрыть, что это ее интересует, хотя и старалась проявить полное равнодушие к тому, что могут думать о ее образе жизни и вкусах.

Он рисовал ей лестный портрет женщины независимой, умной, незаурядной и обаятельной, которая окружила себя талантами и вместе с тем осталась безукоризненно светской.

Она отклоняла его комплименты с улыбкой, потому что, в сущности, была польщена; она отнекивалась, но от души забавлялась всеми подробностями, которые он сообщал, и шутя требовала все новых и новых, искусно выпытывая их с какою-то чувственной жадностью к лести.

Он думал, глядя на нее: «В сущности, это просто дитя, как и все женщины». И он закончил красивой фразой, воздав хвалу ее подлинной любви к искусству, столь редкой у женщин.

Тогда она неожиданно приняла насмешливый тон в духе той французской лукавой веселости, которая, по-видимому, является самой сущностью нашей нации.

Мариоль ее перехвалил. Она дала ему понять, что она не дурочка.

– Право же, – сказала она, – признаюсь вам, я и сама не знаю, что я люблю: искусство или художников.

Он возразил:

– Как можно любить художников, не любя самого искусства?

– Они иной раз интереснее светских людей.

– Да, но зато и недостатки их сказываются резче.

– Это правда.

– Значит, музыку вы не любите?

Она вдруг опять стала серьезной.

– О нет! Музыку я обожаю. Я, кажется, люблю ее больше всего на свете. Тем не менее Масиваль убежден, что я в ней ровно ничего не понимаю.

– Он вам так сказал?

- Нет, он так думает.

- А откуда вы это знаете?

- О, мы, женщины, если чего-нибудь и не знаем, то почти всегда догадываемся!

- Итак, Масиваль считает, что вы ничего не понимаете в музыке?

- Я в этом уверена. Я чувствую это хотя бы по тому, как он мне ее объясняет, как подчеркивает оттенки, а сам в то же время, вероятно, думает: «Все равно бесполезно; я это делаю только потому, что вы очень милы».

- А ведь он мне говорил, что во всем Париже не бывает таких прекрасных музыкальных вечеров, как у вас.

- Да, благодаря ему.

- А литературу вы не любите?

- Очень люблю и даже осмеливаюсь думать, что хорошо в ней разбираюсь, вопреки мнению Ламарта.

- Который тоже считает, что вы в ней ничего не понимаете?

- Разумеется.

- И который тоже не говорил вам об этом?

- Простите, он-то говорил. Он полагает, что некоторые женщины могут тонко и верно понимать выраженные чувства, жизненность действующих лиц, психологию вообще, но что им совершенно не дано ценить самое главное в его мастерстве: искусство. Когда он произносит слово «искусство», не остается ничего другого, как гнать его вон из дома.

Мариоль спросил улыбаясь:

– А вы какого мнения?

Она немного подумала, потом пристально посмотрела на него, чтобы убедиться, что он действительно расположен ее выслушать и понять.

– У меня на этот счет особое мнение. Я думаю, что чувство... чувство – вы меня понимаете? – может раскрыть ум женщины для восприятия всего, что хотите, но только обычно это в нем не удерживается. Вы меня поняли?

– Не совсем.

– Я хочу сказать, что для того, чтобы сделать нас такими же ценителями, как мужчины, надо прежде всего обращаться к нашей женской природе, а потом уже к уму. Все то, что мужчина предварительно не позаботится сделать для нас привлекательным, мало нас интересует, потому что мы все воспринимаем через чувство. Я не говорю «через любовь», нет, а вообще через чувство, которое принимает различные формы, различные оттенки, различные выражения. Чувство – это наша сфера, которая вам, мужчинам, не понятна, потому что чувство вас ослепляет, в то время как нам оно светит. О, я вижу, что для вас все это очень неясно, но что же делать! Словом, если мужчина нас любит и нам приятен, – а ведь нужно сознавать себя любимой, чтобы быть способной на такое усилие, – и если этот мужичка человек незаурядный, он может, если постарается, заставить нас все угадать, все почувствовать, во все проникнуть, решительно во все, и в иные мгновения он может по частям передать нам все свое духовное богатство. Конечно, обычно это потом исчезает, гаснет, потому что мы ведь легко забываем, да, забываем, как воздух забывает прозвучавшие слова! Мы наделены интуицией и прозрением, но мы изменчивы, впечатлительны и преобразуемся под влиянием окружающего. Если бы вы только знали, как часто сменяются во мне душевные состояния; я становлюсь совершенно другой женщиной в зависимости от погоды, здоровья, прочитанной книги или увлекательного разговора! Право, иногда у меня душа примерной матери семейства, хоть и без детей, а иной раз – почти что душа кокетки... без любовников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

...прославленный автор «Ревекки»...- Возможно, вымышленное название было навеяно оперой Фроменталья Леви «Еврейка» (1835). С дочерью композитора госпожой Штраус, вдовой Жоржа Бизе (1838—1875), Мопассана связывали дружеские отношения. Не случайно Эдмон де Гонкур (1822—1896) отметил в своем дневнике (5 июля 1890 г.), что госпожа Штраус, весьма вероятно, послужила Мопассану прототипом Мишель де Бюрн.

2

...собрать прекрасную коллекцию новой живописи и старинных безделушек... - Мопассан сам занимался коллекционированием и наделил этой страстью многих своих персонажей. Из его окружения самым знаменитым коллекционером был писатель Э. де Гонкур.

3

...позади церкви Св. Августина. - Церковь была построена в 1868 г. неподалеку от бульвара Мальзерб.

4

...Гастон де Ламарт... в своем любопытном романе «Одна из них». – В образе Ламарта угадываются черты самого Мопассана и Поля Бурже (1852—1935), который, издав в 1883 г. «Опыт современной психологии», заявил о себе как о тонком и проницательном исследователе человеческих, и прежде всего женских, страстей.

5

...странный взгляд... свидетельствовал о грезах, навеянных морфием... – Психическая болезнь, от которой страдал Мопассан, заставила его испытать на себе действие наркотиков. Вместе с тем наркотики, и в особенности морфий, становятся в 1880—1890-е гг. изысканным светским развлечением, «идеальным абсентом». Белладонна, кроме того, применялась в косметических целях благодаря своему свойству расширять зрачки и придавать взгляду особую глубину.

6

...о намечающемся разводе. – Развод был вновь разрешен во Франции лишь в 1884 г.

Купить: https://tellnovel.com/ru/de-mopassan_gi/nashe-serdce

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)